

УДК 34

Властное регулирование советской праздничной культуры в 1920-е годы на юге России: проблемы становления

Сусанна Джамиловна Багдасарян

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: BSD73@mail.ru

Аннотация. Статья посвящается проблеме властеотношений и нормативно-правовому регулированию Советским государством духовной сферы общества в процессе становления государственной идеологии 1920-х годов на юге России. Рассматривается один из аспектов – праздничная культура как объект государственной пропаганды.

Ключевые слова: основной закон; власть; декрет; государственная идеология; церковь; праздничная культура.

Введение. Генезис советского государства и права в 1918-1920-е годы от первых идей государства простого вооружения масс до создания государственно-правовых институтов проходил на фоне оформления государственной идеологии пролетарского государства. В этом процессе не малое значение играла новая парадигма праздничной культуры: пролетарская революция и революционный праздник. Церковь, религия, религиозная праздничная культура являлись конкурентами пропагандируемому марксистско-ленинскому учению советского государства.

Материалы и методы. Нормативно-правовое основание статьи «Декрет об отделении церкви от государства» от января 1918 г., который был закреплен в п.13 гл.5 Конституции РСФСР 1918 г.: «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». [1] В п.65г. гл. 13 Конституции позиция советского государства по вопросу религии и церкви уточнялась: здесь указывалось, что к числу лиц, не могущих избирать и быть избранными в советы (то есть к числу лишенцев, – юридически неполноправной категории в РСФСР и СССР) относились, помимо живущих на нетрудовые доходы, прибегающих к наемному труду и пр., еще и «монахи и духовные служители церковных и религиозных культов». [2] Основной закон Советской России декларируя свободу вероисповедания в тоже время исходил из ленинских постулатов об использовании культуры в качестве идеологического инструмента воздействия на сознание и поведение народных масс.

Источники, – документация партийных и советских структур, литература и пресса, – содержат прямо противоположные оценки успешности большевистских антирелигиозных мероприятий в деревне эпохи нэпа и, в частности, – в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья. В одних источниках содержатся оптимистичные и безапелляционные утверждения о падении престижа церкви в деревне и значительном сокращении религиозного влияния на сознание крестьянства, в других, – не менее категоричные заявления о том, что констатировать заметные успехи на фронте борьбы с религией еще рано и что большинство сельских жителей сохраняют приверженность обычаям предков. Такое разночтение источников потребовало применение различных общенаучных до специальных исторических и правовых методов в подготовке статьи.

Обсуждение. Отношения между церковью и государством в 1918–1920-е годы является предметом многочисленных исследований, как на страноведческом, так и на региональном уровне [3-9]. Особое внимание авторы уделяют властным отношениям между институтом государства и церковью, как социальной, социально-политической организацией, имеющей культурно-мировоззренческое влияние на народ. Образование советского государства в 1918–1920-е годы сопровождалось выстраиванием новой модели властных отношений с целью вытеснения роли церкви как старейшего социального института из системы общественных

отношений и культурных традиций народа. Первоначально в 1918–1920-е годы государственная и правовая политика Советской России была направлена на отделение церкви от государства и школы, далее на оформление нового культурного мира общества, а в 1930-е годы в СССР на политику репрессий в отношении всех церковных, конфессиональных организации в стране.

В период НЭП борьба с религией проходила в русле последовательного вытеснения религиозных компонентов из культуры народа, как праздничной, так и повседневной. Государство проводило в действие программу по замене церковных праздников отмечанием достижений пролетарской революции и советской власти. В октябре 1923 г. ЦК РКП(б) принял специальное решение об антирелигиозной пропаганде в деревне, где формулировал необходимость «отвлечения [крестьянства] от культа путем организации культурных развлечений, сосредоточения внимания на пролетарских праздниках и торжествах... замены религиозных отправлений формами гражданского быта, как-то: религиозных праздников – гражданскими производственными праздниками (например, праздник урожая, посева и т. д.), тайнств – торжественными отправлениями гражданских актов с участием (при условии отказа от церковного ритуала) культурно-просветительных учреждений, как, например, гражданских похорон, панихид, брака, наречения имени и принятия в гражданство (запись рождения) и т.п.»[10] Для выполнения этих задач были мобилизованы не только партийно-советские работники, но и сельская общественность в лице интеллигенции, членов коммунистического союза молодежи (комсомола), пионерии. В архивном источнике 1924 г. члены Донского окружкома РКП(б) заявляли: «медленно, но постоянно идет на убыль и религиозное настроение. Случаи требования закрытия церквей мы имеем и в деревнях». [11] А в журнале «Северо-Кавказский край» 1926 г. подчеркивалось, что в Мечетинском и Семикаракорском районах Донского округа «не только молодежь, но и значительная часть пожилых крестьян совершенно перестали ходить в церковь». [12] Секуляризация общественного сознания сельского населения воспринималась сотрудниками партийно-советских органов как результат проводимой ими антирелигиозной работы. В тоже время представители власти были вынуждены принимать во внимание ограниченность своих сил в деревне и приверженность крестьянства традиционной праздничной культуре. Хотя государство и ставило перед собой цель полностью заменить церковные праздники советскими, приходилось действовать с учетом переходного времени. Поэтому, практически на всем протяжении 1920-х гг. в Советской России (Советском Союзе) сосуществовали новые и старые праздники, причем факт такого сосуществования был признан официально. Наряду с советскими торжественными датами (день памяти «Кровавого воскресенья», Парижской коммуны, Октябрьской революции и пр.), советское правительство утвердило в качестве праздничных, нерабочих дней еще и такие, на которые приходилось празднование Крещения Господня, Пасхи, Вознесения, Успения Пресвятой Богородицы, Рождества Христова. Так, в календаре на 1928 г. в качестве праздничных дней (дополнительно к революционным праздникам) указывались: 15 и 16 апреля (Пасха), 24 мая (Вознесение Господне), 3 и 4 июня (Троица), 6 августа (Преображение Господне), 15 августа (Успение Богородицы), 25 и 26 декабря (Рождество Христова). Таким образом, в 1928 г. в СССР официально были признаны 6 церковных праздников. В том же году в Советском Союзе праздновались дни памяти «Кровавого воскресенья», свержения самодержавия, Парижской коммуны, Интернационала, СССР, Пролетарской революции. Итог: на 6 советских праздников в 1928 г. приходилось столько же религиозных праздников плюс еще аполитичный Новый год. [13] Надо добавить, что в 1920-х гг. выделяется этап, когда большевистское руководство особенно благоволило признанным на селе церковным праздникам. Речь идет о середине указанного десятилетия, когда была развернута и осуществлялась (пусть и в течение весьма краткого времени, примерно полтора года) политика «лицом к деревне». Поскольку эта политика имела целью распространение и усиление просоветских и пробольшевистских настроений в крестьянской среде, представители власти всячески стремились продемонстрировать земледельцам свое уважение к их мнениям, настроениям, укладу жизни, обычаям. В том числе, большевики прекратили нападки на традиционные сельские празднества и, в ряде случаев, даже сами в них участвовали.

Один из подобных примеров датируется 19 ноября 1925 г., когда в станице Прохладной Терского округа Северо-Кавказского края проходил престольный праздник. В рамках торжества «на площади у церковной ограды был устроен «братский» обед под звуки

духового оркестра, на обеде была выпивка». Помимо избранной станичной публики, то есть «кулачества», священнослужителей и интеллигенции, на обед были приглашены и участвовали в нем председатель Прохладненского райисполкома Ферапонтов, секретарь одноименного райкома ВКП(б) Максимов и ряд других руководящих партийных и советских работников. Хотя приглашенные на праздник представители власти явно чувствовали себя не в свое тарелке и не пили, они все же постарались соответствовать духу политики «лицом к деревне» и демонстрировали станичникам свое расположение. Так, с поздравительной речью по случаю престольного праздника выступил ни кто иной, как заведующий агитационно-пропагандистским отделом Прохладненского райкома компартии Батуриин. Правда, рядовые коммунисты, узнавшие о совместных посиделках своих руководителей с «кулаками», были весьма недовольны, «считая такого рода «смычку с крестьянами» совершенно неприемлемой».

Церковные праздники в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополя 1920-х гг. проходили по тем же сценариям, что и в дореволюционные времена. Несмотря на антирелигиозные усилия большевиков, ритуал празднования включал в себя молебен в церкви, крестный ход, водосвятие и т.п. Так, во время уже упоминавшегося престольного праздника 19 ноября 1925 г. в станице Прохладной Терского округа Северо-Кавказского края «по существующему ритуалу был устроен молебен с участием верующих и духовенства других ближних станиц». [14]

Заключение. Итак, в 1920-х гг. попытки партийно-советского руководства вытеснить церковные праздники в деревне светскими, революционными, имели весьма скромные результаты по причине слабости большевистского представительства в деревне, консерватизма крестьянства и устойчивости традиционной сельской культуры, одним из компонентов которой являлись основанные на православной обрядности праздничные торжества. Несмотря на частичную советизацию, праздничная культура советской доколхозной деревни, в том числе сел и станиц Дона, Кубани, Ставрополя, оставалась преимущественно традиционной. Решительные меры по ее ликвидации были предприняты большевистским режимом только в конце 1920-х гг. в связи с переходом к сплошной насильственной коллективизации.

Примечания:

1. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М., 1918. С. 5.
2. Там же. С. 13.
3. Макаров Ю.Н. Религия в системе морально-психологических и социально-мировоззренческих ценностей советского общества (октябрь 1917 – конец 1920-х гг.). // История и историки в контексте времени. 2004. №2. С. 99-121.
4. Макаров Ю.Н. Ускорение процесса атеизации советского общества в условиях окончания НЭПа (конец 1920-х – начало 1930-х гг.). // История и историки в контексте времени. 2006. №4. С. 50-70.
5. Макаров Ю.Н. Власть и церковь в России после октября 1917 г. // История и историки в контексте времени. 2009. № 6. С. 67-81.
6. Макаров Ю.Н. Практика реализации декрета «Об отделении церкви от государства» в первые годы советской власти (1918–1921 гг.). // Известия Сочинского государственного университета. 2009. №1. С.188.
7. Багдасарян С.Д., Панкова-Козочкина Т.В. Советские новации в праздничной культуре сел и станиц Юга России в эпоху нэпа. // Власть (Москва). 2013. № 2. С. 176-179.
8. Багдасарян С.Д., Скорик А.П. Антирелигиозная работа в советской деревне 1920-х гг.: направления, методы, итоги (по материалам Дона, Кубани, Ставрополя) Ретроспективы региональной истории. Сб. научных статей / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). Новочеркасск, 2013. С. 123-147. Деп. в ИНИОН РАН № 61098 от 5.08.2013 г.
9. Bagdasaryan S.D. The Soviet State Social Policy in the Sphere of Development of the Material Culture of the Southern Russian Peasants in the 1920-ies // Journal of Advocacy, Research and Education, 2014, Vol.(1), Is. 1, pp. 20-25.
10. Брудный В.И. Обряды вчера и сегодня. М., 1968. С. 66-67.
11. ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 14, л. 19.

12. Темкин М. Что думает землероб Донокруга о школе // Северо-Кавказский край. 1926. № 6. С. 131.
13. Календарь коммуниста на 1928 год. VI год издания / Под общ. ред. С.С. Диканского. М.; Л., 1928. С. 16.
14. Информация Терского окротдела ОГПУ в окружном РКП(б) об участии советских и партийных руководителей станицы Прохладной в церковном престольном празднике. [Не позднее 19 ноября 1925 года] // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917-1929 годах. Сб. документов. Ставрополь, 2009. С. 318.

UDC 34

Power Regulation of Festive Culture in 1920s in the South of Russia: Challenges in Development

Susanna D. Bagdasaryan

¹⁻² Sochi State University, Russian Federation
Sovetskaya Str., 26 a, Sochi city, Krasnodar Krai 354000
PhD, Associate Professor
E-mail: BSD73@mail.ru

Abstract. The article deals with the issues of power relations and legal regulations within the Soviet State, spiritual culture of the society under ideological development of 1920s in the Russia's south. One of the case studies – festive culture as a tool of state propaganda.

Keywords: basic law; power; decree; state ideology; church; festive culture.